

Ф-240, 1 р. 0

325451

АЛЕКСАНДР ФАРБЕР

Родные

ОГНИ

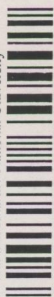

Сталинское областное книжно-газетное издательство

Цена 3 руб. 50 коп.

Бот. музей
№ 4
1953

V.N. Karazin Kharkiv National University

00810206

1

1/ 8(c)/2

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 9		
10 строка снизу	Ногвизиани	Нигвзиани
Стр. 39		
3 строка сверху	одунузший	сдунузший
Стр. 45		
2 строка сверху	тропу	тропку
Стр. 66		
4 строка снизу	и счастье	и счастье сей,
Стр. 73		
4 строка сверху	окрашенный	окрещенный.
Стр. 75		
5 строка сверху	донецкий	донецких
Стр. 83		
7 строка снизу	Добытчиком	Добытчикам
Стр. 84		
6 строка сверху	и черный	и черным
Стр. 88		
10 строка сверху	На летний сад	На Летний сад
Стр. 89		
8 строка сверху	что росли	что росли у хаты,
Стр. 91		
2 строка сверху	не забудем;	не забуду;
Стр. 92		
9 строка сверху	Вот откружи- лись	Вы откружились

Фр-240, 1-р.о.

АЛЕКСАНДР ФАРБЕР

Родные ОГНИ

Сталинское областное
книжно-газетное издательство

1947

58
Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ

кв. № 325451

ПРОВЕРЕН
ЦНБ 1948 г.

ФРОНТОВЫЕ
Д О Р О Г И

LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF
NEW YORK

БЫЛ У МЕНЯ ТОВАРИЩ...

Где-то возле озера Севан
Затерялась эта деревушка.
Ждут тебя, Сурен Арутюнян,
Домик, сеть рыбацья, мать-старушка.
Только писем от Сурена нет.
Он убит, веселый сын Отчизны.
Было пареньку немного лет.
Двадцать раз весну он видел в жизни.
Он для нас хорошим другом был.
К дому взор горячий устремляя,
В час затишья песни петь любил
О своем родном, далеком крае.
Тяжко одному тоску беречь,
Это с каждым на войне бывает.
Что ж с того, что непонятна речь,
Но напев нам душу раскрывает.
Позабыть товарища нельзя,
Вспомнить не сумеем без печали.
Смерть смотрела сотни раз в глаза,
Сотни раз мы взгляд ее встречали.

Степь окутал утренний туман,
Скрыл от взора небо голубое.
И спешит Сурен Арутюнян
Прямо в пекло яростного боя.
Глянешь: парень крепко зубы сжал,
Лишь лицо немного побледнело.
Автомат, гранаты и кинжал
Он в атаке, в ход пускал умело.
Все мечтал он, как войдет в Берлин,
Грязь с сапог солдатских в Шпрее смоем.
... Был у матери он младший сын,
Не она ему глаза закроет.
Не дожил до радостного дня,
Под огнем взбежав на берег скользкий.
И лежит в кармане у меня
Твой билет заветный, комсомольский.
Он прострелен пулями врагов.
Жизнь свою примером храбрых мерьте!
Сколько к смерти он прошел шагов,
Столько же шагов прошел в бессмертье!

НА ПОЛЕ БОЯ

Прижимая приклад автомата,
Он стрелял в подползавших врагов.
Огневица степного заката
Поднималась над льдом берегов.
Пересохшими в жажде губами.
Пил он снег, как баклагу воды.
За угрюмым изгибом Кубани.
Дымом взрывов чернели сады.
Острой болью измучила рана,
Но душой он был с краем родным.
Как на светлом квадрате экрана
Проходила вся жизнь перед ним.
Вот мальчонкой играет он в прятки...
Вот слесарит в цеху у Донца...
Вот он с Машей в зеленой посадке.
Тишина. Только бьются сердца.
Жизнь любовью опять озарится!
Пусть единственный голос звучит!
...Снова вытолзли чортовы фрицы,
Автомат его снова стучит.
Близко рвутся гранаты ручные,

По степи долго катится гром.
И сгущаются тени ночные.
Он лежит на снегу за бугром.
Пусть отрезаны тропы к надежде,—
— Прочь, отчаянье! Голос твой лжив!—
Он дерется с врагами как прежде.
Ненавидит их. Значит он жив.

МУЖЕСТВО

Танки лезли с грохотом и визгом,
С белыми крестами на боках.
На закате солнце красным диском
Освещало трупы на буграх.
Где-то вдалеке железным лаем
Залился и смолкнул автомат.
И засели в доте с Николаем
Четверо испытанных солдат.
Николаю Гогичаишвили
В этой непривычной тишине
Вспоминалось, как в Ногвизиани жили
Он и братья,

 как своей жене
Покупал после родов обновы,
Как росли в родительском доме
Сыновья,
 красивы и здоровы;
Впору Тариелю самому.
...Близко прозвучал короткий выстрел
И от дома думы оторвал.

Николай в бойницу глянул быстро
И гашетку пальцем вмиг нажал.
И на тропах, что вели к высотам,
Под шатром темнеющих небес
Заметалась егерская рота
Из полка по кличке «Эдельвейс».
Сколько их упало, не считал он,
Огненной струей кося подряд.
Трупы на снегу лежали талом.
Меньше взвода уползло назад.
Немцы минометы подтянули.
Николай подумал: «Не беда!
Миной,

дот не сломишь никогда.
Выпить бы сейчас напареули.
Ну, да ладно. В фляге есть вода».
... И внезапно горы задрожали,
И зарокотал по скалам гром,
Словно в их гранитные скрижали
Кто-то клятву вписывал огнем.
И за гулким грохотом орудий
Крик «Ура» раздался и затих.
Близ ущелья появились люди
С звездами на шапках меховых.
И когда все пятеро из дота
Вышли,

околожили их друзья.
Командир сказал:
— Крепка работа!
И на трупы немцев показал.

ПОСЛЕ ЭСЭСОВЦЕВ...

Солдат вошел и замер на пороге.
В лицо ударил тяжкий трупный смрад.
Блеснул фонарь. Отрубленные ноги
К себе мгновенно приковали взгляд.
А вот рука — как цепко пальцы сжаты!
Их мука не разжала ни на миг.
Тот гордый дух безвестного сержанта
Себе посмертный памятник воздвиг.
...Солдат вздохнул и торопливо вышел.
Горело осетинское село,
И зарево ползло по черным крышам,
Хотя в горах еще не рассвело.
Январский снег сверкал на плащ-палатке,
Накинутой на серую шинель.
И он ушел навстречу новой схватке,
И след его засыпала метель.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Его,
войны суровый опыт
Дыханьем грозовым обжег.
Он помнит неумный топот
Немецких кованных сапог.
Он не забыл пути отходов,
И лета жалящую пыль,
Тревожные гудки заводов
И кровью залитый ковыль,
Растерянные лица женщин,
И на откосах поезда.
Казалось: как бескрылый птенчик
Упало счастье из гнезда.
Он помнит город свой родимый,
И домик, где она жила.
Где назвала его «любимый»,
И слово ждать его дала.
И хрупкие девичьи руки,

Которые в своих сжимал
В тот незабвенный час разлуки,
Когда тоске был город мал.
И ныне возникают часто
В его землянке фронтовой
Глаза, в которых пело счастье,
И мирный день над головой.
...Осколок бомбы в сердце. Значит
И письма больше не придут.
Но он не вскрикнет, не заплачет,
Хоть боль и горе сердце жгут.

ГЕОРГИЕВСК

I.

Георгиевск в начале января.
Льет горький свет продрогшая зря.
Все застигает душный дым пожарищ.
Вдруг позади окликнули:

«Товарищ!»

Оглядываюсь. Предо мною старик:
— Простите. Это слово я отвык
Произносить при иродах немецких,
Но час назад за город кончен бой.
Я был не в силах совладать с собой,
И захотел назвать вас по-советски.
...Я крепко руку старика пожал,
И путь свой по руинам продолжал.

II.

Знакомый город узнаю с трудом.
Вот двухэтажный уцелевший дом.
Он выкрашен в коричневую краску.
Здесь изверг сбросил шутовскую маску.

Еще вчера гестапо было тут.
И тени жертв передо мной встают,
В ушах звучат предсмертный хрип и стоны.
Здесь распинали души и тела,
Здесь пыточная камера была.
Но палачей мы знаем поименно.

III.

Клочки бумаг. Обрывки папок. Сор.
Я через здание прохожу во двор,
И вижу: люди яму разрывают,
Их утро ярким светом озаряет.
Лопаты ходят в яростных руках.
Хоть и мороз, —

пот выступил на лбах.

И вот открылась скорбная могила:
Мать прижимает девочку к груди,
За ней старик безглазый позади.
Их

смерть

фашистской свастикой скосила.

IV.

Снежинки тихо падают кружась.
И злобою святой вооружась
Уходят от могилы горожане.
И только губ короткое дрожанье,
И только глаз во внутрь ушедший взгляд
Рассказывают о дороге в ад.
Но солнце снова поднялось над нами!
Скорей прах смерти с платья стряхнуть,

Скорей, всей грудью радость дня вдохнуть,
Которую не выразить словами!

V.

На улицу! Туда, где гарь и дым
Плывут над этим утром молодым,
Которое в крови рождалось тяжко.
Гремят артиллерийские упряжки,
И грузные, но на под'ем легки,
К Минводам мчат и мчат грузовики,
До верху цинки, мины и снаряды.
И без конца идут фронтовики,
Солдаты из прославленной бригады.
И к новой славе, в новый трудный бой.
Они уводят песню за собой.

БАЛЛАДА О ТРЕХ РАЗВЕДЧИКАХ

Вадиму Собко

Их трое в этом хмуром доме,
И окружают их враги,
Хоть в канонады грузном гrome
И не расслышать их шаги.
Они втроем вели разведку,
И насмерть здесь стоят втроем.
Им с чердака видна беседка,
И рядом—черный водоем,
И сад поросший весь травой.
...Ползут к ним немцы на чердак.
Глядит в окошко слуховое
Бессмертие, сквозь ночи мрак.
И старший говорит:

— Граната

Одна осталась нам на всех.

И средний говорит:

— Ребята,

Нам попрощаться бы не грех...

... Еще ~~минута~~ и ~~ворвутся~~.

Центральная библиотека
Бригады при ХДУ

325451

И младший плечи распрямив,
Сказал:

— Гвардейцы не сдаются!

И как салют, рванулся взрыв

НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ

Летели, яростно сигнали
Немецкие грузовики.
И следом немцы женщин гнали,
Наставив в спины им штыки.
И матери с детьми грудными
Плелись, влача тоску и страх.
И расстилался перед ними
Зеленый прикубанский шлях.
Одна из них,
 среди дороги,
Со стоном рухнула в пыли.
И дальше, в горе и тревоге,
Ее подруги побрели.
Веснущат, рыжеват, приземист,
С лицом, похожим на топор,
Над ней склонился щуплый немец
И молча выстрелил в упор.
Она лежала у кювета,
Когда наш полк пришел сюда.
Средь первых сполохов рассвета
Горела тихая звезда.

Бойцы забыли о привале,
И молча, думая о ней,
Свои винтовки крепче сжали,
И зубы стиснули сильнее.

ТЕМРЮК

В Темрюк мы вошли на рассвете.
Гремел за фугасом фугас.
И с бледными лицами дети
Глядели с восторгом на нас.
Горели дома у окраин,
Но день поднимался и рос,—
То в город вернулся хозяин.
И радость с собою принес.
И город, куда мы вернулись,
Как после болезни встает,
Названья немецкие улиц
Как струпья, сдирая с ворот.
И сердцу от радости тесно
В широкой солдатской груди.
Шагают гвардейцы, и песня,
Как птица, летит впереди.

У «ГОЛУБОЙ ЛИНИИ»

Мы идем по хуторам разбитым,
Где в садах и птицы не слышны.
Что осталось от людского быта
Средь могильной этой тишины?
Только наспех взорванные хаты!
Мертвецы в немецких блиндажах
Напоследок сжали автоматы
В неподвижных восковых руках.
В их зрачках, бездушных и стеклянных.
Можно лишь отчаянье прочесть.
Покарала катов окаянных
Праведная, огненная месть.
Вражки трупы плавают в лимане,
Ночь встает над вздыбленной землей,
Освещая хутора Тамани
Беспощадно яркою луной.

ТАМАНСКАЯ ТИШИНА

Над синей степью сонной ранью
Бледнея, катится луна.

И над израненной Таманью
Поет и плачет тишина.

Вновь оживает бой недавний,

Когда близ этих хуторов

Мы слушали средь гиблых плавней

Жужжанье пуль и комаров;

Когда мы шли в воде по пояс,

Болотным воздухом дыша,

От вражеских дозоров кроясь,

Среди густого камыша;

Когда, готовы насмерть биться,

Мы тихо двигались в ночи,

Чтобы обходом взять станицу,

Едва заря метнет лучи;

Когда воцли мы на рассвете

В станицу, разгромив врагов,

Где молча встретили нас эти

Сады, в слепительном расцвете

У обгорелых очагов.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Помню утро в дымчатом тумане.
Мины, цинки на плечи взвалив,
В бой за Крым, пешком по льду, с Тамани
Шли мы через Керченский пролив.
Враг за Акмонаем притаился,
Путь солдатский вел полки туда.
Бурый лед под бомбами дробился,
На минуту я остановился:
Конь храпел и в судорогах бился,
И сомкнулась над конем вода.
И глазами видел я своими:
Автомат не выпустив из рук,
Повторял с надеждой Ваше имя
Раненый смертельно политрук.
Мы его приподняли. И вместе
С мертвым, к киммерийским берегам
Понесли всю ярость нашей мести,
И стучало сердце в лад шагам.

...И еще (я не забуду это),

Резко освещая каждый куст.
Падали с шипением ракеты
В вспененный снарядами Миус.
И в заросшем густо буераке,
Говорили меж собой бойцы,
Полтавчане, терцы и донцы,
На исходном рубеже атаки.
Горбылев, широкоплеч, приземист;
Прошептал, раздумья не тая:
— Вишь, как в землю здесь вцепился
немец.

А земля-то кровная, моя.
— Здешний ты?
— Донбассовец!

Шахтеру

Сладко слушать плеск Миус-реки.
— Горбылев! А как же звать твой город?
— Сталино.
— С тобой все — земляки!
Лейтенант позвал: — За мною по два.
Двинулись из балки выходя,
Воины, готовые на подвиг,
В бой за город имени вождя.

...Помню ясный майский день Победы,
Толпы, флаги, музыку, цветы,
В блеске, в громе оркестровой меди
Свет, пробивший толщу темноты.
Я шагал с друзьями фронтовыми,—
И у всех звучало и цвело
На устах счастливых Ваше имя,
Что народ к победе привело.

Позади суровые невзгоды,
Что вздымали землю на дыбы.
С Вами, наш отец, вступили в годы
Счастья, стройки, творчества, борьбы.

В ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ МАЯ

Мне не забыть молчаливой тревоги
В час расставанья в глазах матерей,
Горечь тоски, фронтовые дороги,
Испепеляющий гром батарей.
Врезались в память окопные ночи,
Ствол пулемета в разбитом окне,
Буря под Керчью и зарева клочья,
Первая кровь на солдатском сукне.
Родина! Слово, как песня, простое
Ты налилось материнским теплом.
Что я без Родины значу и стою?!
Вот он мой день, моя юность, мой дом.
Парень в солдатской простой гимнастерке,
Быстро мужая в упорной борьбе,
В сладком дымке золотистой махорки,
Родина, думал всегда о тебе.
Видел он сад у родительской хаты,
Тополь, ветвями стучавший в окно,
Очи любимой, степные закаты, —
Все, что судьбой ему было дано.
Жив ли он будет, не знал он, не ведал.

Мне и тебе, мой донецкий земляк,
Путь через ночь освещала Победа
Светлым лучом, как далекий маяк.
Степи родные! Вы политы кровью,
И потому вы дороже вдвойне,
Кручи Донца, и поля Подмосковья,—
Все, что открылось бойцу на войне.
...Ныне, с заветных высот пятилетки,
Взглядом окинув прошедшие дни,
Вижу ракет золотые огни,
Схватки в траншеях, ночные разведки.
Красноармейская славься, отвага!
Ты в этой битве была не одна.
Знамя над серой громадой рейхстага
Вместе с тобой водрузила страна;
Эта колхозница, что через силу
Трудные в поле вершила дела,
Сеяла, жала, кормила Россию
И по-мужски все хозяйство вела;
Этот шахтер, что врубался в забои,
Этот отливший броню сталевар,—
Все они в буре берлинского боя
Шли от квартала к кварталу с тобою
Силу вливая в твой каждый удар.
В сердце хранили заветное слово,
Труд и отвага — по крови родня,
Вместе пробились сквозь ярость огня,
От Сталинграда развалин суровых
К счастью девятого майского дня.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Ноябрь сорок первого года,
И Красная площадь в снегу.
Безмолвно проходит пехота,
Готовя отмщение врагу.
Парад, как суровая сказка
Средь вспаханных бомбами дней.
Глазами блестя из-под каски
Шагает Степанов Фаддей.
В тревоге увидеть столицу
Ему довелось впервой.
Угрюмые, строгие лица, —
Враг топчет поля под Москвой.
Идут со Степановым рядом
Товарищи в четком строю.
И праздничным этим парадом
Москва говорит: «Устою!»
Москва говорит: «Одолею!»
А снег порошит, порошит...!
На камень святой мавзолея
Спокойно, рукой опершись,
В своей неизменной шинели

Великий стоит человек,
Чей взор сквозь круженье метели
Проводит высокие цели,
К которым ведет он наш век,
Чей ум всю планету об'емлет,
Чья воля, как сплав броневой,
На битву за русскую землю
Полки повела под Москвой.
И видит Степанов сквозь хлопья
Морщинки родного лица.
Вглядеться б!
Шеренга торопит.
И ширится в сердце бойца
Любовь. И упорство. И верность.
И долго прохочет «Ура!»
И каски в снегу. Сорок первый.
Суровый Октябрьский парад.

* * *

Кремль дышит былинною мощью.
И жарким волненьем об'ят,
Шагая на Красную площадь
Все это припомнил солдат.
Недаром нашивки сержанта
На алых погонах горят.
Трубят впереди музыканты,
И соколы в небе парят.
Недаром сверкают награды
Под радугой лент на груди.
Сраженья, раненья, преграды
Остались теперь позади.
Стервятник не кружится прусский,
Навек его клекот умолк.

И первый идет Белорусский,
Прославленный битвами полк.
Средь этих бойцов-ветеранов,
Пронесших победу сквозь ад,
Идет, улыбаясь, Степанов,
Бывалый советский солдат.
Знамена, как зори алеют,
И Сталин движеньем руки
Приветствует на мавзолее
Добывшие славу полки.
Хотелось бы лучше взглядеться
В черты дорогого лица,
Но строй подгоняет гвардейца
И полнятся песней сердца.

ДОНЕЦКИЙ ПАРЕНЕК

Песню про родной Донец,
Возле балки на привале,
По пути в степные дали
Пел задумчивый боец.
И простая эта песня
За сердца солдат брала,
Роту спланивала тесно,
Сквозь огонь вперед вела.
Снег иль пыль под сапогами,
Холод мучит, солнце жжет,
Но солдат, несущий знамя,
В сердце песню бережет.
В яростных раскатах грома
Он идет, и перед ним,
Вновь, на улице Артема
Дом встает с окном одним.
В этом доме окон много,
Но запомнилось одно,
От которого в дорогу
Он, солдат, ушел давно.
И вперед шагая шибко,

Вспоминает он не раз,
Как в окне ловил улыбку
Голубых, любимых глаз.
Дует, дует, поддувает
В спину шалый ветерок.
Робости в бою не знает
Тот донецкий паренек.
К дому путь он расчищает,
Валит рыжих немцев с ног.
Долгожданный день приходит
Как горнист зарю трубя.
И парнишка глаз не сводит,
Город Сталино, с тебя.
Но лежит заветный дом
В пепле, в дыме и в обломках.
Молвит паренек негромко:
«Вот и я в краю родном...»
Из знакомого окна
На него теперь не глянет
Ненаглядная, одна,
Та, к которой сердце тянет.
Поднимая у ворот
Камешек,—стены осколок,
Он в карман его кладет
И задумавшись идет.
Путь его тяжел и долог.

...Мне б хотелось вам о том,
Рассказать, как вновь окрепло
Сердце воина, как дом
К небесам растет из пепла.

Жизнью улица бурлит,
Окликают день сирены.
Паренек, что брал Берлин,
Поднимает эти стены.
Милых глаз не увидеть,
Но хранит он память свято,
Взявшись с мужеством солдата,
Дом разбитый возрождать.

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ СТАЛИНО

С ликованием вспомнят жители,
Годы взглядом обводя,
Как вошли освободители
В город имени вождя,
Как прогнали ночь невольничью,
Счастьем озаря всех,
Как звучал с утра и до ночи
Русский говор, русский смех.
Пусть еще видны развалины,
Грохот стройки над тобой.
Здравствуй, здравствуй город Сталино,
Наша гордость и любовь.
День и ночь трудом пронизаны,
И гудков все гуще бас.
Слава сталинским дивизиям,
Что вернули нам Донбасс.
Грохот молотка Стаханова
Сохранила здесь земля.
И встает из пепла заново
Город стали и угля.

Солнце поднялось над касками.
Над копрами ветер вей!
Принимай земля донбасская,
Победивших сыновей.

З Е М Л Я
Д О Н Е Ц К А Я

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AT HARVARD UNIVERSITY

R. B. M. 3.1
P. 10.1.10.1

ЗЕМЛЯК

Петя Званцев, донецкий юноша,
Помнишь шахту «17-бис»,
Ветер, с яблонь цветенье одувавший,
Очи девушек, — глянь и влюбись!
Помнишь голос родной гармоник,
Песни, девичий смех у реки,
Молчаливые терриконники
И шахтерских ламп светляки.

Жизнь открыла другие виды нам.
Помнишь, узкую речку Курку,
У которой, с тобой, неожиданно
Повстречались в стрелковом полку.
Ты шагнул, мой товарищ кряжистый.
Впереди начиналась пальба.
В дебри Тьмутараканского княжества
Завела фронтовая судьба.
Смерть ждала за тропинкой узкою,
Огневой канонадой дыша.
Но вело тебя сердце русское,

Комсомольская пела душа.
... А сегодня твою биографию
Досказал мне газетный лист:
Улыбается на фотографии
Лучший в области врубмашинист.
Помнишь, Петя, те ночи таманские!..
Мы сквозь них проложили тогда
Путь в просторы побед океанские,
К вдохновенному счастью труда!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращаются с победой

Соколы родные.

И на сердце у героев

Звезды золотые.

— Где бывали, воевали,

Что, братья, видали?

— Для тебя, наш край любимый,

Счастье добывали.

Вот шагают с звонкой песней

Наши пехотинцы.

Ветер ласково играет

Чубом украинца:

И от радости у хлюща

Сердце не на месте

Ждет тебя четыре года

Милая невеста.

Ждет тебя, который месяц,

Трактор в МТС'е,

Осокорь у старой хаты,

Где ты жил когда-то.

...Горделиво выступают
Храбрые танкисты.
Крутит толстую цыгарку
Старшина плечистый.
Затянулся, улынулся,
На плечах—погоны.
Постоял и оглянулся—
Всюду терриконы.
Здравствуй солнышко-Отчизна,
Здравствуй, край донецкий!
За тебя мы отомстили
Погани немецкой.
Кобзари поют об этом,
Струн трепещут звуки.
К парню тянутся с приветом
Побратимов руки.
И влечет шахтера снова
С силой беспокойной
Черный, в искрах, пласт в забое,
Молоток отбойный.

...Едут с запада к востоку
Бравые казаки.
Тонкий шрам на подбородке—
Память об атаке.
Он коня поил в Дунае,
В чужедальней Тиссе.
Погляди, как он подтянут,
Как он скачет рысью.
Вьется чуб из-под папахи,
День погожий ясен.
Слева протянулась шашка.

На его лампасе.
Он под знаменем победы
За Отчизну бился,
Через беды, через смерти
Он к тебе стремился.
И в тумане гиблой ночи,
В Пруссии постылой,
Через версты, через годы
Слышал голос милой.
Все сильнее храп и топот,
Он коня торопит,
Чтоб хлебнуть воды студеной
Из родного Дона.

За спиной остались реки,
Пропасти и горы.
Снова воздухом родимым
Дышит грудь сапера.
Ордена на гимнастерке
И рубцы на теле.
Видно, хлопцу приходилось
Быть в горячем деле.
Сердце у сапера бьется,
Песня вдаль несется.
Он, как прежде, сталеваром
На завод вернется.
Станет около мартена,
Сталь кипит и хлещет,
Возвращению героя
Громко рукоплещет.

Возвращаются с победой
Из-за синя моря
Молодые краснофлотцы,
Шагу песней вторя.
То спешит в родной поселок
Сын семьи шахтерской.
Сколько лет душа дышала
Ширью черноморской,
Но всегда шахтера тянет
Край родимый, близкий.
Будет помнить краснофлотец
День новороссийский,
Кровь на вражеском солдате,
Бой на Митридате,
И в портовом лазарете
Девушку в халате.
Волос—золотистый колос,
И, как песня, голос.
Не от пули,—от разлуки
Сердце расколелось.
Выстоявший в бурю тополь,
Гордый Севастополь,
Вся в пороховой завесе
Славная Одесса, —
Не забудут краснофлотца.
Вьется, улетаая,
На матросской безкозырке
Лента золотая.

РУДНИЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Снег намел за поселком сугробы,
Пылью угольной тропу черня,
Как в тайге зверолов сквозь чащобы,
Пробирается к шахте горняк.
В сапоги фронтовые обутый
Он идет. И шаги не слышны
В свисте ветра. И кажется, будто
Не бывало великой войны.
Так же тонет в холмистом просторе
Басовитая песня гудка,
И не сразу узнаешь в шахтере
Знаменитого прежде стрелка.
Вот копер над снегами темнеет,
Колесо беспрерывно кружит.
В гулкой лаве забойщик умеет
С молотком по-донецки дружить.
С батальоном ворвался он в Вену,
И вошел, как легенда в века
Этот парень, идущий на смену,
Чтобы выполнить долг горняка.

ИВАН ФЕДОТЫЧ

(Из поэмы)

I.

Немало отдал шахте сил
И чести не уронит,
Немало угля нарубил
Иван Федотыч Пронин.
Из под его крыла птенцы
Теперь в героях ходят.
Донецкий рубят антрацит
И самолеты водят.
Его науку не забыть
Друзьям в шахтерских буднях.
Он научил их труд любить,
Беречь родимый рудник,
Он к шахте издавна привык,
И словно осы жалят
Слова: «Тебе пора, старик,
На пенсию, пожалуй!»
Пожалуй, правда, что пора,

Усы печально свисли,
Но без пилы и топора
Крепильщик жизнь не мыслит.
Нащупал он топор рукой
И лезвие погладил.
«Пора, Федотыч, на покой!»
Его сосед заладил.
— Ну что-ж, хотя я стар и сед,
Согбен, и все такое,
Но ты пойми, чудака-сосед,
Что нету мне покоя.
Мне радость Родина дала,
О ней моя забота.
Кругом такие, брат, дела,
Что жить и жить охота.
Так что-ж, на припечке сидеть;
Иль шляться лоботрясом,
Дряхлея слушать, да глядеть
Как бабы точат лясы?
Нет, не верны твои слова,
И сердце им не радо.

.
В снегу седин вся голова.
Оставить шахту надо.

«В табакотрусы не гожусь»,
Придя домой, угрюмо
Покусывая сивый ус,
Иван Федотыч думал.
— Ну, беспокойная душа,—
Заметила старуха,—
Без шахты жизнь не хороша?

— Отстань! — ответил глухо.

II.

Неделю рано до зари
Вставал он по привычке,
Ходил по комнатам, курил,
Серdito чиркал спичкой,
И брал ножевку и топор
С приятельскою лаской,
Потом на двери спальни взор
Переводил с опаской.
Петровна встанет, заворчит,
А с нею спорить трудно.

Вот стекла вздрогнули. Гудит,
Зовёт шахтеров рудник.

Он дверь тихонько открывал
И на крыльцо садился,
Крутил цыгарку, тосковал
Пока не пристрастился
К цветам. А вышло это так,
От нечего, от скуки.
Он посадил левкои, мак,
Гвоздику, розы.
Руки,
Что пласт крушили лучше всех,
Все в голубых отметках,
Теперь мелькали (смех да грех!)
На вишен хрупких ветках.
За ним стоял шахтерский род.—
Таких никто не тронет.
А тут шутили:

— Цветовод,
Иван Федотыч Пронин!
А он отшучивался: —

Что-ж,
Пришлось за это взяться.
На шахте всюду молодежь,
За нею не угнаться.
— Хитрец, Федотыч! Старичков
Таких, как ты, мы знаем.
Ты дашь любому сто очков.
Мы это понимаем.
Немало видел темноты,
Немало пролил пота.
Себе ты право на цветы
В забое заработал.
...А вот Петровна так да сяк...
Умрешь от разговоров!
Кастрюлями стучит.

— Чудак!
Ну, что за бабий норов!

III.

Болела голова с утра,
В боку ломило малость.
Прошел Федотыч вдоль двора
Кляня свою усталость.
Откуда, чорт возьми, она?
Уж он-то не здоров ли!
Не эта-ль самая спина
Поддерживала кровли!
Не эти-ль руки знали власть
Над крепкими пластами!

Не он ли натрудившись в сласть,
До петухов с друзьями
Гулял, плясал и песни пел,
Шел не качаясь, ровно,
И половицей не скрипел,
Чтоб не взбудить Петровну.
Шестидесятый уж годок,
А старость—злой могильщик.
Тяжел отбойный молоток.
Но он ведь и крепильщик.
Да, чорт возьми, силен шахтер,
Пусть стар, а ходит прямо.
Пожалуй, лишь один Егор
Как Пронин свяжет «раму».
Проведать надо бы его,
Стал на болезни падким.
...Седой качая головой
Идет Федотыч к грядкам.

Печет, и солнышко в зенит
Нацелилось взобраться.
Пчела над яблоней звенит,
Шмель кружит у акаций.
Благословен июньский день!
Он—юным близкий родич.
Присел под яблонею в тень
И закурил Федотыч.
Долгонько писем от сынов
Не получал он что-то.
Что молодежи до отцов!
У них своя работа,
Своя забота! и семья...

(Как сильно пахнет мята!)

...Нет, грех корить их. Сыновья —
Хорошие ребята.
Видать на солнце разомлел,
Что жаловаться начал.
Старик привстал и бриль одел.
Двенадцать, не иначе.

Копаясь в грядках до-темна,
Федотыч хмурил брови.
Его душа была полна
Отцовскою любовью.
Сыны мои! Родной Донбасс
Изрезан весь ходками.
Я украшал его для вас
Шахтерскими руками.
Я и без лампочки пройду
От дома до забоя,
По жилке в камне пласт найду.
Хвала горняцкому труду,
Что стал моей судьбою.

Овеян куст багряных роз
Дыханьем аромата.
Промчался «Феликс» — паровоз,
Железная громада.
И промелькнули за углом
Вагоны и платформы
С донецким каменным углем,
Добытым свыше нормы.
В душе любимую струну
У старика задело.

Наш уголь греет всю страну:
Большое это дело!
Недаром трудится Донбассе
В стахановской бригаде.
Сердечным словом вспомнят нас
В Москве и Ленинграде.

Состав умчал уже давно
За сотни семафоров.
И стало тихо и темно
На улице шахтеров.
Лишь одинокая звезда
Свет излучала нежный
Как лампа около пласта,
В забоя тьме кромешной.

ДОНЕЦКИЕ НОЧИ

Донецкая ночь до чего хороша!
Пронизан прохладою воздух:
Как брызги из огненного ковша,
Рассыпались по небу звезды.
Донбасс! Твой простор обнимает меня,
И я как стихи втихомолку
Твержу и твержу про себя имена
Твоих городов и поселков.
Заводских громадин, степных рудников
В огнях электрических зарев,
Седых горновых, коренных горняков,
Строителей и сталеваров.
Сквозь синее стеклышко смотрят глаза
Не в сумрак ночи заоконный, —
Снорювистый, широкоплечий Мазай
Стоит у печи раскаленной.
Он здесь, на заводе, в труде вырастал,
Героев и смерть не смиряет.
Он вновь у мартена. Он плавит сталь.
Такие не умирают.
Тот немец, который его расстрелял.

Растоптан, как крыса чумная.
Под сводом бушует багровый - металл,
Рождается сила стальная.
Льют пробу. Глядит сталевар на струю,
И рядом подручный хлопочет.
Мазай, как и прежде, в рабочем строю,
Дать плавку рекордную хочет.
Ждут сталь эту сотни родных городов
И тысячи верфей и строек.
В ней воля вождя и цветенье садов,
И кровь победивших героев.
Суровой улыбки скупые лучи,
Предвестники радости звонкой.
Азовские волны грохочут в ночи
И пламя ревет за заслонкой.

В знакомом окне свет мигнул и погас,
Прохожих на улице нету.
Шатаются в этот полуночный час
Влюбленные и поэты.
Кремлевских курантов торжественный бой
Затих над столицей донбасской.
Вот так мы бродили когда-то с тобой,
Товарищ мой, Юрий Черкасский.
Твой голос звучит в трепетании трав
Короткой задумчивой песней.
Ты с нами. И смерть вдохновеньем поправ,
Встаешь из могилы безвестной.
В солдатском мешке—недописанный стих
На серой газетной бумаге.
В руках—автомат. И в глазах голубых
Холодное пламя отваги.

Товарищ! Война, разлучившая нас,
За Эльбой вчера отгремела.
Стропила опять поднимает Донбасс
И в недра врубается смело.
Возносятся трубы в молчанье небес
И звездные блекнут рубины,
Когда во всю мощь запускает ЗУГРЭС
Свои великаны турбины.
Когда б этой ночью рядом со мной
Стоял ты, услышал бы тоже:
Дороги сквозь шар пробивает земной
Порыв боевой молодежи.
И тянет с донецких полей чебрецом—
Душистой и нежной травой.
И песня не хочет расстаться с певцом,
Упавшим вперед головою.

Нет, это не звезды над нами горят, —
Глаза наших братьев убитых,
В предгорьях Кавказа, в ущельях Карпат,
Их кровью геройской омытых,
В орловских лесах, у берлинских застав,
И там, где австрийские Альпы,
Где смерть их свалила с гранатой застав,
Под грохот последнего залпа.
Нет, это не ветер шумит в тополях,
Не эхо ночных ураганов, —
То песню запел на далеких полях
Донецкий забойщик Дюканов.
Он к Ирмино за ночь добратся спешит,
А путь его труден и долог.
Шаги тяжелеют. То в сердце лежит

Железный немецкий осколок.
Но видит сквозь темень упрямый шахтер
Огонь на копре величавом.
Там рудник родимый, там пласт «Никанор»,
Где добыл он звонкую славу.
Пусть снова «шахтерок» ему не надеть,
Сраженному в смелой разведке,
Но мчится в стволе быстrokрылая клеть,
И с углем летят вагонетки.
Рассвет наступает. А ночь без конца
Для павших... Но разве вы пали,
Живыми остались вы в наших сердцах
И новую силу нам дали.
Не мрамор и бронза, не серый гранит,
А ваше служенье отчизне
Нам светлую память о вас сохранит,
Овеяв дыханием жизни.

В ПЛАСТАХ

Мой дед провел шахтерский век в пыли.
В угрюмой тьме подземного застенка.
Однажды ночью старика нашли
С разбитой головою у гезенка.
Отец мой был проходчиком и ствол
Прокладывал сквозь пливуны и камни.
Связало с шахтой кровное родство.
Она, как дом родной, давно близка мне.
И лампочку над головой держа,
Гляжу на бег каната неустанный.
Здесь, десять лет назад, призывно ржал
Слепой «Буран», приятель мой буланый.
И я крутой миную поворот.
Вдруг луч сверкнул, во мраке зыбком роясь,
И между сжатых деревом пород
Проносится, гремя, электропоезд.
И думая о том, как дед-шахтер
Слепым кротом по щелям ползал тесным,
Я сквозь моторов гулкий разговор
Услышал вдруг у лавы чью-то песню.
В ней стлалась степь украинским ковром.

С лазурными и алыми цветами,
В ней рокотал весны веселый гром
И теплый дождь звенел вокруг ручьями,

Верба шумела молодой листвою —
Красивою и все ж немного грустной, —
И прелестью дышала безыскусной
Мелодия той песенки простой.
Меня упорно этот голос влек
Дыханием раздольного простора.
Как на родной и теплый огонек,
Я подошел к поющему шахтеру.
Он штрек к пластам богатым пробивал,
И лопалась кремневая присуха,
Катился в лавах угля черный вал,
И крепь вокруг потрескивала глухо...

Да, тот кто знает лав глухую тьму,
Не будет на земле шататься слепо.
В сто раз прекрасней видится ему
Голубизна открывшегося неба.

СИЛАНТИЙ ЖИЛИН

Из поэмы

Казалось, будто не был здесь полвека,
Но память резко повернула ключ.
В тугую тьму извилистого штрека,
Как огненный бурав вонзился луч.
Здесь воздух влажен. И вода бормочет.
На стойке вырос белотелый гриб.
Шахтер опять готов пласты ворочать
В угрюмом гуле угловатых глыб.
Его на разминовке окружили
Друзья, чтоб руку с радостью пожать.
Из армии пришел Силантий Жилин,
Врубмашинист и гвардии сержант.
Здесь тишина как зверь на мягких лапах,
Подкравшись за спиною залегла.
Как аромат шахтер вдыхает запах
Сосновых стоек, мокрого угля.
А вот и лава. Золотистый веер
Луча мелькнул по синему пласту.
Дрожит от напряжения конвейер,
И мчатся по железному листу

Крутые неподатливые груды,
И все сильнее шорох, стук и треск.
В ночи сверкает не огонь орудья,
А антрацита искрометный блеск.
Волнением охвачен неприметным,
Дороги битв оставив за собой,
Силантий все глядит на пласт заветный,
Как в дом родной, вернувшись в свой забой.
Как в дом родной... И все, что сердцу свято,
Вновь оживает. Тщетно ищет взор,
Тех, с кем работал некогда шахтер,
Который шел пять лет путем солдата.
Одни лежат в могилах Сталинграда,
Другие спят в украинских степях.
О них поют былины и баллады,
И корни трав выросли в солдатский прах.
Но у пласта шахтерские бригады
Опять стоят на трудовых постах.
Не рваться бомбам, не жужжать здесь пулям,
И не услышать боли хриплый крик.
Но отзовися! Где же ты, Горбулин?
Егор Семеныч! Милый мой старик!
Его в забой плетьюми фашисты гнали,
Но он не стал позорить обушка.
Семеныча близ шахты расстреляли,
Не покоров прямого старика.
Как в роте, на вечерней перекличке
Донбасс, героев павших назовет!

...Обваливался уголь. И с отвычки
Спина заныла. Ничего, прейдет.

Зато он норму выполнит до срока.
Крепильщик рядом начал ставить крепь,
А перед ним на полотне широком
Вставала, вся ископанная степь.
Траншеи вились сколо Миуса,
Луна от бомб бежала с неба прочь.
Гудела даль. И огненные бусы
Себе на шею нацепила ночь.
Прошло, прошло. И не нахлынет больше
На край родной коричневая тьма.
Он видел все: и пепелища Польши,
И Пруссии постылые дома,
Чужую жизнь нарядную по виду,
Исполненную дьявольской тоски,
Ее полей унылую обиду,
И дней ее сыпучие пески,
И человеческих судеб волчьи тропы.
Что в них искать душе его прямой?!
Он прошагал с победой пол-Европы,
И счастлив нынче, возвратясь домой.

Силантий вновь включил мотор. И ловко
Вонзились в уголь за зубком зубок.
— Донбасс! Я не забыл свою сноровку.
С тобой мы поработаем, браток...
Вперед, Донбасс! Из этой черной лавы
Нам в будущее ход пробить пора.
Пласты угля и самоцветы славы
Поднимем мы с тобою на-гора.

ЗЕМЛЯ ДОНЕЦКАЯ

В синих балках били родники
И сквозь сумрак этой ночи летней
Люди проникали в рудники,
В бурелом тайги тысячелетней,
Где когда-то грузный бронтозавр
Проползал сквозь чащи к водою.
Загорелись смелые глаза
Горняка в кремешной тьме забоя.
Как ты, край мой, богател и рос!
Сколько штолен под землей пробито!
Где стучали конские копыта,—
Яростно летит электровоз.
Здесь немало у меня родни,
Славной по работе молодецкой.
Ему ночью по земле донецкой
И кругом, куда ни глянь, огни.
Горловка мне шлет сквозь ночь привет,
Над копром звезда алеет ярко.
Горняка такого в мире нет,
Кто не знал бы шахту «Кочегарка».

Справа—золотистый блеск луча,
Греет он сердца улыбкой братской.
Это светит шахта Ильича
Доблестью отмечена горняцкой.
И, богатыри в стальной броне,
Что зажгли зарю на небе темном,
Говорят сквозь ночь «Здорово» мне
Новые макеевские домны.
Есть ли что донбассовцу родней,
Чем труда торжественная ода,
Что звучит на языке огней
Рудников, поселков и заводов!

Спаян дружбой мой родной Донбасс,—
Токари, шахтеры, металлурги.
Отзовутся тысячи из вас,
Если громко позову я друга.
Здесь мне каждый камешек знаком.
Еду. И навстречу, из тумана,
Светит огоньками колчедана
Старожил рудничный — террикон.

НАД КНИГОЙ...

Уснул шахтерский городок, —
Герой и работяга.
Но мчится угольный поток
Из темноты квершлага.
Там, в лавах, ночью как и днем
Горит в «шахтерках» пламя.
...Кочует полночь за окном,
Перекликаясь с горняком
Бессонными огнями.
За каждой буквою следя,
Хоть за день утомился,
Над биографией вождя
Седой горняк склонился.
Не оторваться от страниц!
Он все прочтет до точки.
Воспоминанья стаяй птиц
Взлетают с каждой строчки.
Задумался седой шахтер,
Глазами жизнь обводит.
Сейчас его пыливый взор

В далеком прошлом бродит.
...Опять грохочет эшелон,
С которым пробивался он,
Во дни войны гражданской
В Царицын из Луганска.
Сквозь память, яростно гудя,
Как эшелоны мчат года,
И память бег торопит.
С Пархоменко в огонь идя
Впервые,

Сталина,
тогда

Он увидал в окопе.
Снаряды рвались грохоча,
Ему сказали:

— Это

Друг и соратник Ильича,
Член Реввоенсовета.

...Стоял он с трубкою во рту,
Уверен и спокоен.
Запомнил крепко встречу ту
В бою

горняк и воин.

...Пред ним проходят на яву
Дни, в солнечном сверканье.

...Шахтера вызвали в Москву
К вождю на совещанье.

Хоть век живи он на земле,

Не позабудет встречи

С Виссарионом в Кремле,

И свет великой речи.

Дела и думы наши знал
Вождь,

словно он с тобою
Во тьме подземной штреки гнал,
И пласт долбил в забое.
...За полночь светит огонек
У горняка в квартире.
Взбираясь по ступеням строк
Он видит счастье шире.
Он мыслью далеко парит.
Кремль перед ним воочью.
С вождем, как с другом говорит
Он этой летней ночью.
...Я сед. И не был на войне.
В Кизеле в лаве бился.
Но с молодыми наравне,
Товарищ Сталин, я вдвойне
Для Родины трудился.
Потом вернулся в наш Донбасс,
И снова строю шахты.
Скажу по чести, без прикрас,
Вдохнул, товарищ Сталин, в нас
Своей мечты размах ты.
Живи наш вождь, и счастье
Народ к победам двигай.
...Часть биографии своей
Прочел я в этой книге.

СТАЛЬ

1.

Эшелоны шли за эшелонами
На восток.

Поднялось все вокруг.
И глядел глазами воспаленными
На мартен угрюмый металлург.
Бушевал закат вдали за стенами,
В синем небе «Мессершмитт» кружил.
Десять лет с горячими мартенами
На заводе инженер дружил.
Всей душой земле донецкой преданный
Он ее нигде б забыть не мог.
Сколько в этом цехе им изведано
Радостей, волнений и тревог!
Не остыл в печах багровый жар еще,
Выплавливавший броневую сталь.
Инженер вздохнул.
Сплошным пожарищем
Охватил закат степную даль.

II.

Все это было.

И забыть нельзя.
 День возвращения радостно настроил.
 Ведь снова с ним давнишние друзья,
 С которыми завод в степи он строил!
 Здесь он нашел все то, о чем мечтал
 Студенческими, светлыми ночами,
 Когда сверкнул перед его очами
 Из летки хлынув, золотой металл.
 И пусть разбитый цех сейчас молчит,
 И у печей не опаляет воздух,
 И пусть под крышей бойкие грачи
 Свои семейства разместили в гнездах,
 И на площадке меж железных плит
 Зеленая пробилась чудом травка, —
 Но пробил час. Здесь скоро зашумит
 Багряною волной стальная плавка.
 Вновь возвратился Новоселов в цех,
 Который был его желанной долей.
 В душе пружиной сжата воля всех,
 Что стала инженера высшей волей.
 С ним сталевары, мастера, парторг,
 Дорогами побед они вернулись.
 И пусть мартен еще похож на морг, —
 К нему живые руки протянулись.
 Он встанет вновь, разрухе вопреки,
 Труда живой водою окропленный.
 Прислушайся: уже поют гудки
 В степи, в их голоса опять влюбленной.

III.

Нет, не прошлого повторение
Повело его за собой.
Это—радостное горение,
Это—яростная любовь.
Положил на ладони голову
Новоселов над чертежом.
И мерещится Новоселову
Ночь над огненным рубежом.
В алых вспышках, сквозь темень синюю,
Где на каждом шагу — беда,
Путь один — через поле минное.
В опаленные города.
Страх не веет дыханьем старящим,
Воля

смелых ведет везде.

... Так ему и его товарищам
День и ночь наступать в труде!
Пусть опять не доспал сегодня ты,
Впереди — немало ночей.
Только были б скорее подняты
Своды взорванные печей,
Чтобы радость взлетела голубем,
Чтобы алый заклокотал,
В ковш железный плывя по жолобу
Снова выплавленный металл.

IV.

Студеное дыханье февраля.
Льдом голубым окована земля,

Но холод металлургам не помеха.
Медлителей и мглист ползет рассвет.
Давненько инженера дома нет,
Он с трех часов утра воюет в цехе.
В тылу он был

солдатом, на войне,
Он наступал в мартеновском огне.
И пламя фронтовой его отваги
На том же славном знамени горит,
Что над хребтом столетия парит,
Водружено бойцами на рейхстаге.
За это боевые ордена
Дала ему родимая страна,
Как воину, добывшему победу.
Нет, не наркома, а души приказ
С Урала возвратил его в Донбасс
По танками проложенному следу.
Теперь свалилась с плеч его гора.
На сушку печь поставлена вчера.
А это для него всего дороже!
И пусть хлопот опять не перечесть,
Он в бой ведет за трудовую честь,
Бригады стариков и молодежи.

V.

Инженер очки на лоб подвинул.
С яростью огонь в печи ревет.
День второй сегодня утром минул
Как сталеплавильный цех живет:
У передней стенки, на площадке
Обдает лицо тяжелый жар.

И с бригадой в боевом порядке
Здесь стоит веселый сталевар.
Помнит он, как на рассвете сером.
Средь руин — войны суровых вех.
Возвратились вместе с инженером
Металлурги в свой разбитый цех.
Стал завод для них родимым домом.
За него костями готовы лечь.
И опять полна рудой и ломом
Мужеством воздвигнутая печь.
Руки кранов мглу в цехах развейте!
Хватка у донбассовцев крепка.
И легко легла на черный вентиль
Сталевара верная рука.
Пусть сильнее гудит в мартене пламя!
Свод на славу выложен над ним.
И огонь труда и наше знамя.
Цветом обозначены одним.

VI.

Что делают из стали?

Танк и трактор,
Перо и штык, иголку и наган.
Машина, грохоча, идет по тракту
Туда, где полевой маячит стан.
Она по пашне сеялку потянет,
Как старый друг, а не заморский гость,
Где трактор прошумит, — в июле встанет
Пшеничный стебель в человеческий рост.
Звенит пила, в еловый ствол вгрызаясь.
Добротен зубьев молодой металл.

И рухнет ель, отныне называясь
Рабочим словом «стройматериал».
В прокатном цехе смелые умельцы
Болванку стали вставили в валки,
И протянулись по России рельсы
Во все ее степные уголки.
С тобою, сталь, расстаться не сумел бы
Солдат, идущий в грозовую даль.
От Волги проложила путь до Эльбы
Моей страны разгневанная сталь.
Сталь — это наша молодость и сила,
Каркасы небоскребов над Москвой,
Сталь — это ты, Советская Россия.
И тверд, как сталь, шаг неустанный твой.

VII.

Инженер Новоселов заметил однажды
У себя на висках первый снег седины.
Что ж с того, если сердце наполнено жаждой
Плавить, строить, творить для родимой страны!
Что ж с того, что глаза в паутине морщинок,
Если мысль беспокойно в них светит всегда.
Жизнь его — не альбом для красивых картинок,
А правдивая книга борьбы и труда.
Он и дня не потратил для праздной забавы.
Он завод поднимал у Торца из руин,
И добился доступной не каждому славы
Твой,

Отчизна.

... отмеченный доблестью сын.

VIII.

Здесь он познал впервые власть мечты
В свершение упорством обращенной.
Здесь он сошелся с радостью на «ты»,
В мартеновской купели окрашенный.
Ночь загоралась сотнями огней,
Рассвет басил осипшими гудками.
Здесь сочетались и любовь и гнев.
Здесь цех рождался под его руками.
Как в половодье талая вода,
Энергия

ломилла все преграды.

Во вдохновенном волшебстве труда
Она была сама себе наградой.
И вечно беспокойный инженер,
У жаркого мартена хмурия брови,
Был, как живой волнующий пример
Труда и мысли, ставших рядом вровень.
Романтика! С тобою он дружил.
Симфонией, занесенной на ноты,
Был для него технический режим.
Анализ плавок, графики, расчеты.
Но, он любил в короткий свой досуг
Читать стихи, угадывать созвездья,
С приятелями на охоту съездить,
Иль в парк притти на танцевальный круг.
А чаще из конторки цеховой
Домой позвонит:

«До утра не буду».

И уходил в работу с головой,

Верочал за ночь дел крутую груду,
Зато каким дышало торжеством
Его лицо над новой плавкой стали.
Она шумит весеннею листвою.
Ее сегодня раньше срока дали!
Так он входил, как равный, в мир труда;
Макеевки, Магнитки, Краматорска,
Запасшийся на долгие года
Отвагой, вдохновеньем и удорством.

ПИСЬМО НА РОДИНУ

П. Беспощадному

Пусть в стихотворную строку
Мысль силой заключит чудесной
Привет поэту-земляку,
Товарищу по звонким песням.
Певец донецкий рудников!
И в чужеземном отдаленьи
Я голос чистых родников
В твоём узнал стихотвореньи.
В нём яркая заря встает,
Степь за Алчевском зеленеет,
Шахтер задумчиво поет,
И ветры над копрами веют.
Тому, кто крепок, как гранит.
Ты вверил все свои надежды.
Как уголь,

стих огонь хранит.

Труд прославляя как и прежде.

ПАМЯТНИК

Хоть нравом диким обладал,
Но в память нежного романа,
Купец Абдулов шахте дал
Название женственное «Анна».
А уголь плакал под землей
Под бормотанье камероча.
И в штреках раздавался
злой

Свист молодого коногона.
Казалось: скошенного рта
Улыбка осветить не хочет.
В зрачках сгустилась темнота
Подземной неизбывной ночи.
Еще здесь слышен стон и всхлип;
И судорогой сжаты губы.
Средь сорока других погиб
Забойщик по фамилии Шубин.
Он двадцать лет долбил пласты
И пел про небо голубое.
Но вместо утренней звезды
Светила лампочка в забое.

Здесь, на скрещенье трех дорог
Прохожий, свой замедли шаг ты.
Как страшный памятник сберег
Донбасс обломки этой шахты.
Угрюмо высится копер,
Но шкив железный не кружится.
Здесь ни один не смог шахтер
С унылой тишиной ужиться.
И только старый террикон,
Родного ветра верный данник;
Стоит, и кажется, что он
Еще дымится колчеданом.

РОДНОМУ КРАЮ

Я был во многих городах
И на морях и в облаках.
Я песню нес на Карадаг
И снег вершин держал в руках.
Но где бы ни был, где б ни жил,
Каким бы ветром не дышал,
Я лишь тобою дорожил,
С тобою веки я смежал.
Нет, никогда мне не забыть
Тех мест, где я учился петь,
Где я впервые стал любить,
И перед девушкой робеть,
Где мне в любом окне горит
Веселой дружбы яркий свет.
Ты серой пылью был покрыт,
Ты в черный камень был одет.
А ныне алых роз кусты
Пылают у домов твоих,
Ты строишь шахты и мосты,
Ты стал истоком рек стальных.
Восходят зори над тобой,
Сверкая молодым огнем.
Твой самый маленький забой
И тот вождю в Кремле знаком...

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ..

Н. Гуляеву

Веснушчатый парнишка за станком
Стальные обрабатывал детали,
А за широким голубым окном
С жужжаньем самолеты пролетали.
Строгая неподатливый металл
Он вспоминал не о глазах подружки.
Он здесь о славе Чкалова мечтал
И падали у ног стальные стружки.
О воле говорила лепка губ, —
Души невыразимая отметка.
Парнишка зачастил в аэроклуб,
Где небо штурмовали однолетки
Машина, крылья в небе распластав,
Его, однажды, далеко умчала.
..Как повесть дни годов перелистав,
Так хочется их прочитать сначала.
Приехав в гости через восемь лет
Он растерялся может быть впервые,
Увидев в цехе собственный портрет,
И две Звезды на сердце золотые:

УГОЛЕК

Здесь я свет увидел, здесь я жил.
Уголек в моих синее порох.
Здесь впервые песню я сложил
О моих товарищах, — шахтерах.
Край мой! От меня ты был далек,
Но в огня цветенье пышно-ярком
Мне напоминал дыханьем жарким
О тебе донецкий уголек.

Г О В О Р И Т
М О С К В А...

«ГОВОРIT МОСКВА»

Простые, обычные это слова,
Но сила их действия неимоверна.
«Говорит Москва. Говорит Москва»
И сердце стучится легко и уверенно.
Все звезды весенняя полночь зажгла.
И слово не знает в пути остановки.
Редает и тает полярная мгла
За окнами дальней суровой зимовки
Из тьмы возникает и рядом встает,
Весь соткан из силы, из славы и света.
Тот город, в котором наш Сталин живет.
Тот город, чьим воздухом дышит планета.
И там, где апрель говорит о зиме
Добытчиком золота на Колыме,
И там, где в весеннем и праздничном шуме
Всегда зеленеют деревья Сухуми,
И в крымских детьми населенных дворцах,
В гуцульском селе и в каюте линкора,
На дальних широтах земного простора
Пред ним открываются настежь сердца.

С тобой веселей и светлей во сто крат,
Московского радио вещее эхо.
О, голос, незнающий стен и преград!
Все три измерения тебе не помеха.
К тебе поворачивается земля
И дряхлые рвутся на клочья порфиры.
И звездное алое пламя Кремля
Как свет маяка в океане эфира.
И черный трудом замордованный негр
Яснее, твой голос услышав сквозь дали,
И гнев, вырываясь как пламя из недр,
Крепчает, как сплав нержавеющей стали.
В кандалной тоске астурийских ночей,
Тайком от шпионского слуха и взора
Услышит—и снова течет горячей
Бурливая кровь молодого шахтера.
Над Сласскою башней вздымается звон
И сходятся стрелки вверх циферблата.
Стучатся, курантам Кремля в унисон,
Сердца миллионов, волненьем объяты:

В ГОРИ

Недавно я был за Тбилиси,
Где горы и реки сплелись,
Где песня о счастье звенит
Взлетая за солнцем, в зенит.
Проехал Азовское море,
Проехал Каспийское море,
Проехал бы сотню морей
Со штормами, бурями спора.
Чтоб только до горного Гори
Добраться сквозь дали скорей.
Простая домашняя утварь,
Как низко навис потолок!
В окне иверийское утро,
Горийской прохлады поток.
Здесь песня ребенка качала,
И сон его тополь берег.
Здесь нашего века начало
На каменный встало порог.
В гнезде этом тихом и тесном
Орленок взрастал молодой.
А возле, на кручах отвесных,

Туман серебрился седой!
И глядя на маленький домик,
В него, как в былинку входя,
Листаю я бережно томик, —
В чем—жизнь и деянья вождя.
...В час утренний, в жгучем июле
В атаку мы шли под картечь.
Средь хаоса взорванных улиц
Услышал я Сталина речь.
Пусть песня нальется что колос,
И нивой в нем зашумит.
Вождя вдохновляющий голос
В душе и доньне звучит.
В селе, на зимовке, в станице,
В краю нашим людям родном,
Светлее становятся лица,
Коль речь начинают о нем.
Что, Гори сказать вы могли бы?
Язык благодарности прост:
Великое наше спасибо
Земле, на которой он рос.

В СТАЛИНГРАДЕ

След погона хранит еще китель
На прораба широких плечах.
Воевал знаменитый строитель
В огневых сталинградских ночах.
Дюжий плотник в солдатской шинели,
Что орудует ловко пилой,
Помнит, как эти зданья горели,
Как здесь слезы мешались с золой.
В шуме стройки, как в музыке марша
Молодые кварталы встают.
Там, где сдался немецкий фельдмаршал,
О Москве комсомольцы поют.
Перейдет в поколенья потомков
Быль, которую век наш слагал,
Как из кровью облитых обломков
Город в новой красе вырастал.

НА ЧЕРНЕЧЬЕЙ ГОРЕ

Гора Чернечья поросла цветами,
Былинный Днепр течет меж берегов.
На постаменте высится прац нами
Тарас Шевченко. Взор его суров.
Нет, он не встанет, не окинет оком
Тебя, раскрепощенная страна.
Он крепко спит. И на Днепре широком
О нем поет прозрачная волна.
Тараса вижу юношей, влюбленным
В цвета и линии. На летний сад
В молчанье безнадежном и бездонном
Санкт-петербургский падает закат.
Шевченко слышит зов родного края.
Пред ним не по одетым в лед торцам, —
По кровью истекающим сердцам
Летят резные санки Николая:
И снова ночь. Ее Шевченко любит
Далекого пожара чуя гарь,
«Преступника» допрашивает Дубельт,
Косясь угрюмо на его «Кобзарь».
И сколько лет еще продлится пытка?!

Несется краснорожая луна,
Трясется арестантская кибитка,
И в волосах не снег, а седина.
Его душа в изгнание умирала
Сто тысяч раз, и воскресала вновь.
В солончаках, в безлюдье Кос-Арала
Поэта заставляла жить любовь
К родимым вербам, что росли
К тебе, серебролистый осокорь,
Звала точить на царские палаты
Крутой мужицкой ярости топор.
Тоска невыразимая, немая,
Всю ночь пером разгневанным скрипит.
И дряхлый Шепкин плачет, обнимая.
Солдат в отставке стариком глядит.

Из сумерек встает гора Чернечьа,
Речное потемнело серебро.
Звучат простые искренние речи
О том, кто сеял правду и добро.
Пусть изваянье нам не даст ответа,
Но слово и сквозь бронзу проросло.
Все лучшее, что есть в душе поэта,
В его стихах бессмертье обрело.

МАЯКОВСКИЙ

Как живо!

с живым говором

Он словно из гранита был изваян,
С эпохой вровень ростом, великан.
Он громыхал, как туча грозовая,
Шагая через горы и века.
И слово билось сердцем соловьиным
И грохало басовую трубой.
И поднятые этим рыком львиным,
Шли люди в жизнь, как воины на бой.
Поэт, из лавров сплел он жесткий веник,
Чтоб вымести сор из человеческих душ.
Он был, он есть наш вечный современник.
Он жил у всей планеты на виду.
Нет, не забыть, как пошлость громким хором
Орала на поэта из углов,
А он стоял, сверкая гневным взором,
Сарказмом строк испепелить готов.
Нет, не забыть мне голос, что со сцены
Врывался в сердце, за руку хватал.
Он тек, не остывая, драгоценный

Поэзии воинственный металл.

Нет, не забудем; рослый и костистый,

В своем обычном сером пиджаке,

Встает он, громы руша на фашистов,

И не перо, а штык в его руке.

Вся жизнь—в бою. Горит он не сгорая,

Как в темноте огонь сторожевой.

Он у эпохи на переднем крае,

Здесь, с нами рядом, голос наш живой.

ДЕТСТВО

О, как тебя забыть мне, чахлый скворец.
С зелеными скамейками, где мы
Играли в открывателей Америк
До голубой, послезакатной тьмы.
Где малыши водили хороводы,
Где были звезды, как глаза, чисты,
Где карликами поднялись у входа
Крыжовника унылые кусты.
Вот откружились годы «каравая»,
Когда, дичась снотворной тишины,
Играл я, о колючки разрывая
Залатанные матерью штаны.
Кварталы на кварталы шли войною,
Мы камни заготавливали впрок.
Шел год двадцатый. Над родной страной
Ещё летел пороховой дымок.
Мать не спала ночами. И щеколда
Стучала в покосившихся дверях,
И в комнату врвался отсвет желтый
Луны на неуютных небесах.

Еще темно. Выходит за ворота
(А этой синей ночи нет конца)
Глядеть на угол, ожидая с фронта
Ушедшего с Пархоменко отца.
Плывут закаты. И летят камни
В глухие ставни сытых горожан.
И обыватель, страхом обуян,
Сквозь щелку смотрит в робком изумленье
Как радостно шагает в ураган
Окраины второе поколение.
За городом бои. Сухие травы
В снегах, в крови дымятся молодёй.
И на заре лазоревой отравой
Струится свет. И день грозит бедой
Грохочет артиллерия. Как звонко
Разрыва рвут особнячков уют!
И кажется: над нашею стороной
Молотобойцы небеса куют.
Лежалый, рыжий снег пропахший псиной.
Как близнецы, дома в один этаж,
И очередь за синим керосином
Деталью входит в городской пейзаж.
В листопркатный грохот канонады
Летит последний бронзовый закат.
По переулку, будто по канату,
С трудом идет подвыпивший солдат.
Он, загуляв, отстал от арьергарда,
И невдомек, что в городе—один,
Он лезет всем в глаза своей кокардой.
Плечом стучась в закрытый магазин.
И лавочник Андронов прячет вещи,

В растерянности дверь закрыть забыв.
Над городом, как детский сон, трепещет
Весна. Грозит окраине разлив.
Над золотистой вывеской пекарни
С утра кричат болтливые грачи.
Через дорогу пробегают парни,
Известные в квартале «ширмачи».
Все ставни крепко заперты на шкворни.
И понедельник движется на вторник.
И так проходят сутки и недели,
И городишко слухами живет.
Но как-то утром, возле «Гранд-отеля»
Граната двери прямо с петель рвет.
И слышно: камни вздрогнули упруго
В широком русле звонкой мостовой.
И наконец, он встал над всей округой —
В буденновку одетый часовой.
И движется налево и направо
Сквозь день, с веселым грохотом, полки,
Добытую тяжелым боем славу
Несут еще горячие штыки.
Я выхожу на улицу. И вижу:
Навстречу мать с мужчиною идет.
Высокий, сильный, он подходит ближе,
И на руки меня без слов берет.
А мать ликует: в сборе все семейство!
И глаз не сводит с милого лица.
И мы ведем домой красноармейца —
Сквозь пекло битв прошедшего отца.

ПУШКА № 49—36

Добывал на родном Урале
До войны железную руду.
И удары молотка слагали
Гимн освобожденному труду.
Но руда не плугом стала — пушкой
Номер сорок девять — тридцать шесть.
С нею от приволжской деревушки
Сколько верст он прошагал — не счесть,
Вот она сейчас стоит пред нами,
Ствол ее в брезентовом чехле.
Мирными овеечная днями,
Жизнь идет по радостной земле.
Каменщик над стройкою хлопочет,
За станок бывалый воин стал.
На щите орудия наводчик
Десять красных звезд нарисовал.
Он глядит, и слов ему не надо,
Рот суровой немотою сжат,
Огненные ночи Сталинграда
Вспоминает гвардии сержант,

Был тогда он пареньком безусым.
Юная прошла его пора
Возле Волги, около Миуса
И на переправах у Днепра.
С этой пушкой он не разлучался.
С нею боевую службу нес.
На дорогах Пруссии остался
След ее стремительных колес.
Десять красных звезд горят на стали,
Десять танков сожжены в боях.
А теперь иные дни настали,
Мир и труд живут в родных краях.
Знамя на ветру победно реет,
И стволы молчанье сторожат.
Новичков в учебной батарее
Обучает гвардии сержант.
Он зовет орудие «старушкой»,
Но Отчизны охраняя честь,
Вновь готов открыть огонь из пушки
Номер сорок девять — тридцать шесть.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Фронтовые дороги

	Стр.
Был у меня товарищ	5
На поле боя	7
Мужество	9
После эсэсовцев	11
В землянке	12
Георгиевск	14
Баллада о трех разведчиках	17
На фронтовой дороге . . .	19
Темрюк	21
У „голубой линии“	22
Таманская тишина	23
Товарищу Сталину	24
В девятый день мая	27
Две встречи	29
Донецкий паренек	32
Песня о городе Сталино . .	35

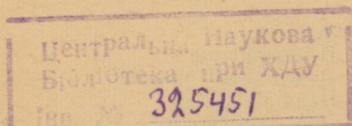
Земля Донецкая

Земляк	39
Возвращение	41
Рудничный пейзаж	45
Иван Федотыч	46
Донецкие ночи	53
В пластах	57
Силантий Жилин	59
Земля Донецкая	62
Над книгой	64
Сталь	67
Письмо на Родину	75

	Стр
Памятник	76
Родному краю	78
Восемь лет спустя	79
Уголек	80

Говорит Москва

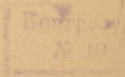
„Говорит Москва“	83
В Гори	85
В Сталинграде	87
На Чернечьей горе	88
Маяковский	90
Детство	92
Пушка № 49—36	95

Редактор Ф. Байдаченко

БП 14470 Зак. № 2247. тир. 5.000 экз. Сдано
в производство 14/VIII 1947 г. Подписано к печати
25/IX 1947 г. Печатных листов 3. Формат бумаги
70х98¹/₃₂

Типография № 1 Областного Управления Поли-
графии и издательств, г. Сталино, Донбассе,
Складская, № 2.

12422